

Марина Алиева

*Герой для
зеркала*

Марина Алиева

Герой для зеркала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412298

ISBN 9785449375421

Аннотация

В глубинах Космоса обнаруживается гигантская отражающая поверхность. Что это? Глаз Бога? Лупа, через которую кто-то нас разглядывает? Или зеркало, в котором отражаемся все мы? И кто решится полететь, чтобы взглянуть в это зеркало?

Содержание

ГЕРОЙ ДЛЯ ЗЕРКАЛА	5
I	5
ЗЕРКАЛО	10
II	13
ЗЕРКАЛО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	16
III	20
ЛУЦИЙ БОНЕОН	24
ЗЕРКАЛО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	29
IV	36
V	44
СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ	48
БАБУШКА	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Герой для зеркала

Марина Алиева

© Марина Алиева, 2018

ISBN 978-5-4493-7542-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕРОЙ ДЛЯ ЗЕРКАЛА

I

«В космосе, как в пустом бассейне, никто и ничто не напрыгает, кроме пустоты», – думал Марк, глядя в монитор, на котором проецировалось всё, что окружало его корабль снаружи. То же самое, при желании, можно было видеть и в иллюминаторе, так сказать, в живую, но там сектор обзора всё-таки ограниченный, а тут, на медленно проползающем изображении, вся округа, как на ладони, можно даже приблизить какую-либо область и рассмотреть. Если приглянулась планетка какая-нибудь, рассчитать расстояние до неё, время подлёта, условия посадки, есть ли атмосфера и какая, что будет под ногами, над головой, справа, слева, в заднице! Всё это давно стало рутиной, но в часы, так называемого, дежурства других развлечений у Марка не было.

Летел он один. Совсем один во всей этой громаде «Сфинкса», и никаких замороженных членов команды, как это показывали когда-то в фильмах, никаких человекоподобных роботов, андроидов и прочей, якобы, живности! Собственного электронного ума «Сфинксу» хватало с избытком, Марк в этом смысле мог считаться самым слабым звеном, но и летел он, к слову сказать, совсем не для того,

чтобы в роковой момент, когда откажет электроника, вско-
чить, побегать, где-то что-то многоумро переклепать, сме-
калисто перевязать, ткнуть в последний момент в ту един-
ственную кнопку, которая никогда в жизни сама не при-
ткнётся, и выправить положение в полный, безусловный хэп-
пи-энд! Вовсе нет. Тот ликбез, который Марку устроили
перед полётом, позволял, в лучшем случае, сделать умное
лицо и вызвать нужную программу, которая всё поправит.
Правда, уровнем защиты ото всяких непредвиденных си-
туаций, слава тебе Господи, тоже хватало с избытком, так
что опасаться катастрофы можно было тоже только от боль-
шой-большой скуки.

Марк как-то прикинул, и вышло, что он в состоянии поз-
волить себе праздное сидение даже когда из строя выйдет
до тридцати, а то и до сорока процентов обеспечивающих
полёт систем. Потом, всё-таки, придётся понажимать кое-ка-
кие кнопки, а если и это не поможет, отправить в ЦУП чи-
стосердечное в виде «SOS», и на этом всё!

Всё!

Марк мстительно показал язык тёмному сейчас монитору,
по которому обычно лицезрел руководителей полёта и с об-
легчением подумал, что до завтра никого из них больше уже
не увидит. Достали уроды! При каждом сеансе с наигран-
ной бодростью поднимали кулачки, коротенько встряхивали
ими, дескать, держись и, поспрашивав для приличия о его
самочувствии и работе «Сфинксовых» систем, отбивались

в полной уверенности, что на ближайшие сутки укрепили его, Марка, дух до нужной кондиции.

Идиоты! Спроси кто-нибудь, и Марк бы ответил, что с большим удовольствием обошёлся без их вмешательства вообще. Один на один с собой и теми воспоминаниями, которые придирчиво отобрал, отрываясь во всех, абсолютно во всех смыслах, от Земли и с теми мыслями, в которые никак не вкладывались до отвращения бодрые обещания встретить, как героя, открыть новую страницу истории человечества, лицезреть хрустальные дали и треснуть по всем швам, чтобы вернуть его.., заставить вернуться и снова нырнуть в густое варево городов, со всем их промышленным дымом и смрадом кое-как прикрытых испражнений!

ТЬфу ты! Опять разозлился. А ведь обещал себе, что никогда больше...

Марк о пути назад не думал вообще. Получится, значит так тому и быть, но и трагическому исходу, как это называли на Земле, готов был протянуть руку, ногу, голову..., всего себя всё с теми же мыслями, что роились, роились и, вот уже пол года, строили в его мозгу сложные соты, в которых выбраживал совсем не сладкий мёд осмысления.

Клён однажды спросил, зачем ты хочешь лететь туда? Чёрт с ними, с тайнами, если раскрытие их станет последним, что ты поймёшь в своей жизни! Но Марк не видел смысла оставаться, если не понимать. Чёрт с ней, с жизнью, ответил он тогда, если нет гарантии влезть в тайну, которая сама

напрашивается на разгадку. Лучше, что ли, изо дня в день жрать, спать, искать удовольствий, которые рано или поздно осточертеют до тошноты, или, того хуже, делать карьеру, обогащаться, становиться знаменитым и позволить всякому обывателю, изнывающему от собственной, неудовлетворённой ничем скуки, рассматривать через уменьшительные стёкла газет твою персональную жизнь во всех её интимностях?! Смерть неизбежна. С ней главный фокус состоит в том, чтобы в последний момент не очкануть, не разбавиться до истерики, дескать, ах, ах, отжил своё, а подумать о красивом, достойном ПЕРЕХОДЕ, за которым обязательно тайна! И, может быть, та самая, на встречу с которой Марк сейчас и летит...

Нет, ребята, он всё обдумал, когда соглашался на полёт, и жалел сейчас только о том, что не дал себе оттянуться и не послал куда и как следует всех сбежавшихся к отлёту журналистов. А ведь надо было бы! За всё... Один чёрт больше не увидятся. А если и случится чудо, и Марк возвратится на Землю, то произойдёт это, в лучшем случае, лет через шестнадцать, когда все сенсации давно протухнут, подёрнутся антикварной пылью, и о Марковом хамстве придётся вспоминать и напоминать... М-да, жаль, отвёл бы душу...

Хотя, там, куда он летит, всё это, скорей всего, покажется таким мелким, мелочным, что может и хорошо, что не отвёл. Так, при желании, можно будет уговорить себя, будто сдержался благородства ради, а не из-за налипшего поверх

всех желаний воспитания и ложного понятия о деликатности. Но надо ли и убеждать, если ТАМ Марк запросто может оказаться вывернутым наизнанку со всеми своими фобиями, комплексами, внутренностями, как благородными, так и самыми подлыми и, ещё неизвестно по какой шкале ценностей будут его оценивать? Отсюда и воспоминания, придирчиво отобранные, и каждодневный тренинг по вытравливанию из мозга всего остального, явно лишнего. Первые недели было трудно, но потом ничего, выровнялось, и Марк уже не дёргался, когда против воли всплывали в памяти всякие эти... ну, лица там, разговоры... Особенно последняя хохма, когда не послал, как собирался, а оскалился, словно киногерой и выдал: «Ну, чё, ребята, слетаю, посмотрюсь в зеркало»...

ЗЕРКАЛО

Откуда оно взялось никто, разумеется, не знал, хотя умников, как всегда, набежало достаточно, и версий они высказали немерено. Но даже от бреда, что это глаз Божий до сверхнаучных умствований про втягивание материи какой-то другой Вселенной, ничто не проливало, хоть мало-мальски разумный свет на тот факт, что ползла где-то по хвостам галактики некая субстанция с отражательными свойствами. Всех мозгов научного мира хватило только на то, чтобы дать явлению крайне оригинальное название: «Зеркало», и отправить для его изучения Марка Лагира – одинокого волка по жизни и мощнейшего телепата изо всех, которых человечество когда-либо знало!

Заданий, как водится, надавали целый пук, снабдив, опять же, как водится, минимумом информации. Хотя, предъявлять претензии с этой стороны было бы глупо – где Зеркало, и где Земля?! И что, даже самые умные-преумные, могли знать о гигантской ползущей отражающей, то ли плоскости, то ли объёмности? Хотя, нет, про то, что она ползёт всё-таки узнали, и про то, что не совсем плоскость – тоже...

Клён объяснял Марку про все эти искажения на фотографиях, что сделал аппарат с корабля Луция Бонеона во время той, псевдоисторической миссии с бомбой. Показывал расчёты, говорил про углы отклонений света, идущего от звёзд

и планет, про то, что и как может его исказить, но интересней всего оказалось совсем не это! Самым, пожалуй, привлекательным, что и притянуло Марка ко всей этой истории было абсолютно бредовое и не укладывающееся ни в какое сознание, ни в какой голове соображение о том, что в этом, чёрт его подери, Зеркале можно будет увидеть прошлое!

Как всем известно, свет от звезды или планеты становится виден наблюдателям много позже того момента, как он был излучён, или точнее было бы сказать «отражён», но тут уже неважно, поскольку, как процесс ни обзывай, а все мы, глядя на небо видим далёкое уже прошедшее! Причём прошедшее это, при всей своей сиюминутности для наблюдателя, может занимать века. Смотришь ты, скажем, на яркую точку ночного небосклона и видишь, как она светила лет этак пятнадцать назад, а потом переводишь взгляд правее или левее и видишь другую точку, которая отсияла этим видимым светом в те далёкие времена, когда вместо тебя тут пасся динозавр.

Клён и это объяснял, но мимоходом, в качестве примера, когда про световые искажения рассказывал, и слушать его было занятно ровно до того момента, когда в сознании Марка чётко не обрисовался обратный процесс! А с учётом того, что где-то в космосе висит некое Зеркало, да ещё, если верить Клёну, на просчитанной оси «прямой видимости», то есть не должно быть на этом пути объектов с такой крупной массой, чтобы создать сильные искажения, а то и поглотить

ние световых лучей в тёмной материи, то выходит совсем уже интересно! Особенно, если приплюсовать сюда самую главную составляющую – знания Марка о зазеркалье, его телепатические способности и умение «погружаться»!

Перспективы это открывало невероятные!

Если в космосе действительно висит нечто, что отражает участок Млечного Пути с Солнечной системой, то достаточно подогнать к нему такого вот умелого Марка, чтобы увидеть, возможно, зарождение человечества!

Клён тогда заржал, и с ним трудно было не согласиться. Да, да, смешно. Особенно если учесть, что ОТТУДА даже Солнечную систему в «рукаве» галактики сложно будет рассмотреть, не то, что маленькую Землю. И, если бы это предложил кто-то другой, а не Марк, было бы ещё смешнее. Но когда он рассказал Клёну тщательно скрываемую тайну о своих опытах с зеркалами, о том, что увидел, понял.., о том, что умеет, наконец, погружаться в зазеркалье, как никто другой и знает, КАК и ЧТО оттуда видно, вот тогда много кому стало интересно тоже...

II

В кухонном отсеке пронзительно запищал таймер. «Иду, иду, тварь ты противная», – беззлобно заворчал Марк, сползая с сидения. Минуту он гнул туловище в разные стороны, чтобы размяться, потом устал и дал себе слово через пару часов своего внутри корабельного времени пойти и позаниматься, наконец, на тренажёрах. Слово это он давал уже неделю... Но, нет! Сегодня обязательно!

Из недр супер-пупер микроволновки, которая готовила ему еду, Марк извлёк приготовленное блюдо и, по традиции, зародившейся пару месяцев назад, сначала протянул таймеру. С одной стороны, вроде как компенсация за «тварь противную», а с другой, какое-никакое общение. Само собой, таймер от угощения отказался, но Марк надежды не утратил...

Этот «комбайн», который он упорно обзывал «микроволновкой», был предметом особой гордости разработчиков «Сфинкса». Демонстрируя своё детище, они только что слюной не брызгали! Хотя, может и брызгали – Марк не смотрел – просто запоминал, какие кнопки надо нажимать и пару раз обозвал-таки чудо техники «микроволновкой», после чего прочитал в мыслях разработчиков столько синонимов к слову «идиот», что не выдержал, заржал, и услышал вдогонку ещё столько же...

А между тем, ребятам следовало бы сказать спасибо! Ку-хонный отсек сразу стал любимым местом. Жаль только, что всё тут было запрограммировано на определённые часы, чтобы Марк за время полёта не разожрался, как боров. Зато, когда таймер пищал, приглашая к столу, это было, как... как... Ну, скажем, как концерт «Queen», который он попросил записать в голограммном формате, чтобы было, как в жизни, то есть абсолютное наслаждение... А что до «твари противной», так это ж любя, чтоб не думал там себе ничего...

Марк громко, вслух засмеялся. Снова представил, как в один прекрасный день, в ответ на предложенную еду, таймер возьмёт и скажет: «Спасибо, положите мне это в нутро». Вот веселуха-то будет! А что? Ещё полгода одиночества, и скажет, как миленький!

Кстати, надо будет вечером пойти концерт посмотреть – уже можно, времени достаточно прошло...

Марк ещё на Земле решил, что наберёт себе дел и развлечаловок на все восемь лет пути, но заниматься ими станет по строго расписанному графику-календарю, чтобы не приедались. Заодно и стимул будет жить «от» и «до», глядишь, и соскучиться сильно не успеет.

Марк прикрыл глаза, представил, как уберёт защитные шторы с окна панорамного обзора и сядет в кресло, нарочно повернутое так, чтобы видеть только космос за окном. И, когда Фредди Меркьюри вскинет над звёздами сжатую в кулак руку, из головы снова вылетит эта треклятая заноза – беско-

нечная мысль о неизбежной «кротовой норе»!

ЗЕРКАЛО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Без «норы», конечно, никак. Без неё до Зеркала лететь и лететь... Хотя, нет, даже на «Сфинксе» не долетишь, пороку, как говорится, не хватает, а «нора», если верить мудрецам на Земле, дырка не только в пространстве, но и во времени. Примерно такая, какая получается если проткнуть ткань булавочной иглой, с той лишь разницей, что сборка получается не только материальная, но и временная. Луций Боненон, который её обнаружил, залетел в «нору», поскольку всё равно был осуждён на смерть, но..., как залетел, так и вылетел, о чём и доложил, поразив всех сообщением не только о существовании «норы», возможности пролёта сквозь неё и временном сжатии, но и о Зеркале, до которого от выхода из «норы» было теперь рукой подать!

Вот и получилось, что без норы никак! Но думать о ней Марк себе не позволял. Все неприятности по мере поступления. Зато о Зеркале подумать можно. Во-первых, потому что, эта неприятность может вообще никогда не наступить, а во-вторых, почему, собственно, неприятность? Если Марк долетит, и всё там получится по самому оптимистичному сценарию, то это станет сразу всем – и сбывшейся мечтой, и спасением, и ответом... да, да, непременно ответом на всё! А если и не ответом, если с этим не повезёт, то однозначно, станет концом всему. И это тоже было спасение, правда,

несколько в ином смысле.

Собственно говоря, задача перед Марком стояла, на первый взгляд, не сложная – долететь до звезды NN 5637, там приземлиться возле станции «Гермес», прибывшей ранее, и вместе с его командой подготовить «Сфинкс» к дальнейшему полёту, проходу через «кротовую нору» и дальше к Зеркалу. А уж там, как говорится, дело техники.

По части погружения в зазеркалье равных Марку на Земле не было. Он на этом деле собаку съел, потому что напрактиковался выше крыши! Как только рассказал Клёну о своих доморощенных опытах, тот немедленно сообщил в ЦЭНТР, и оттуда кого только ни набежало! Под белы ручки притащили Марка в свои лаборатории, завалили зеркалами разной формы и модификации, от древних, просто полированных, до серебряных и до самых современных, которые гнутся, как пластины, и велели смотреться в каждое по очереди. Сначала просто так, ради проверки, куда удаётся совершить погружение, а куда нет, но к великому общему удивлению оказалось, что погружение происходит в любую отражающую поверхность, и тогда уже Марка облепили датчиками, окружили сверхчувствительной аппаратурой и даже голограммным сканером, который должен был демонстрировать образы, формирующиеся в Марковой голове в процессе погружения.

Впрочем, со сканером ничего не вышло, потому что программа его была рассчитана на образы всем понятные, стан-

дартные, а то, что продуцировала Маркова голова в общеизвестные понятия не укладывалось. Но это так, частности. Главным несомненно было то, что за любой отражающей поверхностью стояло ЗАЗЕРКАЛЬЕ! А в зазеркалье – полноценный, абсолютно реальный параллельный мир, существующий одновременно в стольких измерениях, что..., Эйнштейна бы сюда, он бы, наверное, единственный разобрался!

Марк, правда, тоже разбирался, но несколько в ином ключе. Благодаря умению «погружаться» он со своим зазеркальным двойником контактировал лучше, чем с реальными людьми в обычном мире. Оттуда притащил сведения о том, что время, которое мы тут вытянули в линейку и тянемся по нему, как улитка по листу, совсем даже не линейная величина, а, скорее, нечто, напоминающее взбитые в сложную причёску волосы, и мы на этом фоне уже не улитки, а блохи, выбравшие одну-единственную волосину, по которой и семенем дружным строем под девизом «ни шагу назад!»

То же можно было бы сказать и о пространстве, но с этим вопросом дело обстоит сложнее. Или проще – это уж кому как. Марку, к примеру, вообще было тьфу! Не зря он бабушкины фотоальбомы не выкинул, как собирался! Они-то и научили «погружаться» и во времени, и в пространстве, и с тех пор ему ничего не стоило, сидя на диване в собственной гостиной, погулять своим вторым «я» по улицам любого города в любую историческую эпоху! Он и людей представлял, их привычки, манеры, разговоры... Причём, если включал

мозг и старался с его помощью что-то вообразить, получалось дурное «кино» с ряжеными, зато, когда расслаблялся и отпускал второе «я» на вольные хлеба, такие занятные дела обнаруживались, что хоть садись и романы пиши! Вот бы историки удивились, и знаниям и подробностям!

Но романы писать Марк не умел, да и не хотел, потому что, с тех пор, как начал свои опыты с «погружениями», все остальные занятия разлюбил. А с тех пор, как попал в ЦЭНТР совсем забыл, что такое свободное время, и был в шаге от того, чтобы разлюбить любое действие и вообще весь окружающий его мир...

Хотя, этот шаг он, кажется, всё-таки сделал. Или делал прямо сейчас, улетаая всё дальше и дальше от Земли, ради одной-единственной цели – подлететь к этому немислимому Зеркалу, и у того своего зазеркального двойника, который отразится..., да, обязательно отразится с той стороны, спросить: «Что ты видишь в свете вон той маленькой точки? Во-он, вон она, в одном из хвостов той крошечной галактики! Ну же, рассмотри, пожалуйста, ведь у тебя там нет такого пространства, которое нельзя было бы подтянуть ближе, словно одеяло! Так подтяни край того светового луча, который до тебя дошёл, и расскажи мне, для чего и, как это всё началось, и почему стало тем, чем стало?!»

III

Марк выбросил использованную тарелку в утилизатор, понаблюдал, как забегали огоньки, обозначающие то одну, то другую, включившиеся в работу системы, дождался когда перестанет мигать последняя красная, и пошёл в тренажёрный отсек.

Про себя называл его «симуляторной», потому что разработчики не поскупились на всевозможные изыски, больше похожие на игры, и симулировали эти фишки всё на свете! Но стояла там и пара обычных стареньких тренажёров, которые Марк попросил включить в список наполнения. Особо оговорил боксёрскую грушу, и первые дни полёта долбил её, бедную, с остервенением отчаявшегося человека. Потом пар вышел. Вместе с ним ушло и отчаяние – отвалилось, как рудимент – после чего измочаленная груша удостаивалась только беззлобного дружеского толчка в те несчастные уже дни, когда Марк сюда себя притаскивал ради иных развлечений.

Поначалу был в диком восторге и от кажущегося разнообразия возможностей, и от картинок, и от звукового сопровождения! Взять, хоть, эту «дорожку» – это же мечта! Казалось, никогда не надоест, потому что список заложенных программ переваливал за сотню, а видео создавали с участием всех любимых Марком актёров! Но надоело всё рав-

но. Оказалось, что «Поиск пиратских сокровищ», «Захваченный мегаполис», эльфийские и звёздные войны – всё это обычные симуляторы повторяющихся мордобоев, проходить которые интересно лишь первые два-три раза... То есть, чтобы стало понятней, выглядит всё это так: на панельке на стене пульт управления, где выбирается нужная тема и жмётся кнопка «старт». Нажал и всё, больше ничего делать не нужно, как не нужно надевать специальные шлемы, или перчатки, потому что на той же стене возле пульта смонтирована целая система из датчиков, излучателей и проекторов. Действуют они в пределах движущейся дорожки, которая тоже чем-то там по краю оснащена, во что Марк особенно не старался вникать. Главное, что после запуска выбранной программы нужно было стоять строго на дорожке..., точнее, идти по ней, или бежать – это уж в зависимости от выбранной игрушки – и, знай себе, уворачиваться ото всяких нападающих со всех сторон гадов!

Слов нет, графика там была потрясающая! Леса, моря и фантастические города вставали вокруг плотной стеной, полностью заслоняя действительность. Да и драчки там были что надо! Марк даже удары ощущал, слабенькие, правда, но куда и с какой стороны его ударили, представления получал убедительные. Собственные удары ощущал тоже – воздух пружинил, будто бы сгущаясь вокруг лица или морды нападающего, что в сочетании с весьма эмоциональным изображением давало полную иллюзию того, что двинул ко-

го-то по мордасам!

Увы, очень скоро стала ясна горькая правда – нападают на него все и всегда по определённой, пусть сложной, но всё-таки просчитанной, схеме, и схема эта используется во всех играх подобного толка. Да, конечно, была она и замысловатая, и многоходовая, но просчиталась в течение первого же года, и стало скучно.

Марк пробовал переключиться на квесты с якобы хитроумными загадками, и даже подзавис как-то на одном на целых полгода. Но, когда разобрался и прошёл, снова заскучал, попробовал переключиться на что-то другое, ради чего запустил обычное морское путешествие, поболтался по какому-то океану сначала на яхте, потом на плоту, потом на туристическом лайнере, пока не понял, что и это не помогло. Целый год после этого в симуляторную не ходил, надеялся, что потом, когда подзабудется, всё снова станет интересным, как в первый раз... Но не стало.

А потом он нашёл «бонус»... Нашёл, прошёл, и потом, бог знает сколько времени, колотил в грушу голыми руками, лишь бы не запустить программу снова! Но не выдержал, запустил, опять прошёл до самого конца и опять колотил в грушу до крови на костяшках, потому что знал – больше этого нельзя, хотя и хочется, но знал так же и то, что завтра опять придёт и опять запустит...

Впрочем, об этом не сейчас.

Марк посмотрел на часы. Независимость независимостью, а кое-какие правила соблюдать следовало, чтобы подлететь к Зеркалу максимально здоровым. Поэтому он всегда выдерживал положенное время после еды. Ходил по симуляторной, подключал то, что было нужно и, двигаясь туда-сюда, с нарочитой медлительностью обходил «дорожку» с «бонусом»...

Интересно, подумалось Марку, а Луций? Он-то у себя там чем занимался? Клён говорил, что в «Гермес» целый шкаф старых бумажных книг загрузили, из-за чего с разработчиками чуть истерика не сделалась. Но в масштабах «Гермеса» это не груз, и в том случае лучше старые книжки, чем новейшее оборудование, ведь посылали Луция в один конец...

ЛУЦИЙ БОНЕОН

Времени на изучение Зеркала в ЦЭНТРе отвели не густо, пока всего три года, если, конечно, Марк пролетит и долетит, но тут уже, как фишка ляжет. Один вон, в смысле Луций Бонеон, уже и пролетел, и долетел... жаль только, что с зеркалами он не дружит, но, как лётчик, просто бог! Да и человек хороший, с этим спорить не приходится. Мало ли, что в своё время согласился сделать то, что делать не следовало! Хотя, если быть совсем честным, то по мнению Марка, никакого особого криминала в действиях Луция Бонеона тогда, пятнадцать лет назад, не было, и его не в расход следовало пускать, а понять и простить... Но, если бы поняли и простили, если б он вообще не полетел тогда взрывать эту треклятую бомбу, шиш бы кто знал сейчас и про Зеркало, и про «кровотворную нору»! А бомба... Ну, что бомба? Если посмотреть беспристрастно, то, как водится, хотели сделать как лучше, а вышло не так... И это тоже – как водится...

Луций же во всей той истории выглядел достойно от начала до конца!

Когда на суде огласили обычный для космолётчиков приговор – смертная казнь, или заведомо безнадёжный полёт, он встал, пожал плечами и выбрал полёт.

Многие тогда признались, что эта простота поведения подкупила, и крайне расположила их к осуждённому. Вот

начал бы сам осуждать, разоблачать, открывать общественности глаза на то, что и так белыми нитками шито, и добился бы общественного вердикта, типа «Так тебе и надо!». Всем осточертело смотреть, когда кто-то тупо и безнадежно прёт на систему. Но Луций в ответ на приговор только усмехнулся. «Вам бы, ребята, всем со мной туда, может и поняли, до чего вся эта возня ничтожна». И Марк, осознав эти его слова спустя годы, сразу понял – вот оно, его, Марка, личное спасение!

А тогда, в юности, прочитав о Бонеоновом судилище ещё во время учёбы, он просто почувствовал что-то, ещё до конца не ясное, и зачем-то принялся собирать о Луции всё, что ещё можно было собрать...

Марк усмехнулся этому воспоминанию и снова подумал – Судьба! Не получи он позже работу в ЦЭНТРе, шиш бы нашёл что-то большее, чем старые газетные статейки, по большей части состряпанные сенсации ради, потому как подлинные материалы о Луции начали уничтожать ещё во время суда над ним, но архивы ЦЭНТРа неприкосновенны! В худшем случае доступ к ним могли ограничить, а то и вовсе закрыть, но только не для Марка! Сам он уже тогда представлял особенную ценность всеми своими выкрутасами, и не только в отношении зазеркалья, но и фамильными, наследственными навыками, поэтому, не скрываясь ни перед кем, выразил желание ознакомиться со ВСЕМИ материалами дела о бомбе, и получил разрешение почти сразу, дав кучу подписок

о неразглашении.

Но это уже была сушая ерунда, Марк и так не собирался трепать о мерзком деле на каждом углу. А вот Луций интересовал его серьёзно, и Марк как будто чувствовал, что свяжутся они намертво общим делом... А может и чувствовал, без «как будто», кто знает? В области подсознания он мог быть кем угодно, только не провидцем, здесь у него всё на уровне смутных ощущений, зато у Луция с интуицией и даром предвидения, прямо скажем, не просто прядок, а порядочище. Он и Зеркало это треклятое прям почуял, ещё когда бомбу ту взрывал! И не просто почуял, но и снимки той части космоса, где его почуял, сделал для доказательства! Но, кто ж уголовнику-смертнику поверит! Зато Марк, узнавая о нём всё больше и больше через стенограмму допросов, увяз настолько, что поверил. Причём, в его случае, не просто поверил, а УБЕРОВАЛ, как какой-то фанатик и повёл себя в полном соответствии с фанатично верующим – всех убеждал, уговаривал включить здравый смысл и требовать научных проверок!

Ух и натерпелся тогда!

Ему и пальцем у виска крутили, и уволить грозились, и запреты наложить на всё и вся, дескать будете такие разговоры вести, мы вас тоже того, привлечём, как подрывателя устоев, как пособника, как пораженца... Короче, всё собрали. Но тут возьми, да и приди от Луция сообщение о том, что в двух шагах от экзопланеты в созвездии Лебедя обнару-

жила в тёмной материи прореха в виде «кротовой норы», в которую он, самоубийства ради, свой «Гермес» направил, но, простите великодушно, не погиб, а вылетел через «задний проход», (так паршивец и сообщил!), целёхонький, здорёхонький, и Зеркало – вот оно – почти перед носом!

И снова все забегали.

Из ЦЭНТРа полетели ходатайства о помиловании осуждённого на смерть космолётчика Бонеона Луция, как купившего величайшим прорывом в области изучения, как проявившего по собственному почину..., и прочее бла-бла. И про бомбу сразу забыли...

Да и чёрт с ней, не о бомбе речь. История вышла тогда преглупейшая, о ней тоже забыли, когда такие дела. Зато начали активно вспоминать, каким молодцом оказался Луций, когда решил рассмотреть то, что наснимал в космосе пока с бомбой своей возился. Да не просто рассмотреть, но и РАССМОТРЕТЬ! И не молчать, а даже на процессе, где решалась продолжительность его жизни, упрямо тыкать общественность носом в некие оптические эффекты, которые все поначалу сочли не стоящими внимания, и только он один уверял, что что-то там не то...

Многие потом говорили, будто и они удивлялись непонятным загогулинам на снимках. Говорили, что «нутром чуяли» несообразность но всегда ведь хочется всё непонятное либо отрицать, либо объяснить тем, что в мозгу укладывается, и они бы, конечно, сами были бы не прочь высказать

пару бредовых предположений, вроде тех, которые Бонеон озвучил на собрании руководства ЦУПа, но, положив руку на сердце, кому вообще, в ясном уме и твёрдой памяти пришло бы в голову, что все эти странные загогулины – свет далёких бликов на некоей изогнутой отражающей поверхности?!

А, кстати, шумное у Луция тогда получилось выступление! Присутствовать на том собрании руководства ЦУП Марк по малолетству, разумеется, не мог, но в записи многократно видел, как ржали все эти академики и конструкторы после слов Бонеона. В точности, как престарелые кони в своих спичечно-коробочных стойлах!

И зря, как выяснилось впоследствии!

Сам же Марк, поразмышляв надо всей этой историей не одну бессонную ночь, решил, что случайного ничего не бывает, и, что на всей Земле не было, пожалуй, в тот момент человека, более подходящего для того, чтобы это Зеркало треклятое обнаружить, чем Луций Бонеон! И мысль о космической линзе не просто так ему в голову пришла, а свалилась, может, из того же космоса, потому что время пришло! И, может, он, Марк, тоже не случайно уверовал в Бонеона настолько, что готов всё здесь бросить и лететь за ним в чёртов космос, на окраину родной галактики?!

ЗЕРКАЛО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

А время-то, для Зеркала, похоже, действительно, пришло...

В большей степени, потому, что к зеркалам в то время интерес поднялся, как осадок в мутной воде.

Всколыхнулось это стоячее болото привычного отношения к тому, что в любой момент ты можешь сам на себя посмотреть, после серии экспериментов в одном интересном учреждении с аббревиатурой ЦЭНТР.

По простому учреждение это называлось Центр Эзотерических Научно-Технических Разработок, хотя, какое уж тут по-простому... Дури всякой в заведении хватало, но встречались порой дела интересные, а после того, как в космос стали летать, как к себе домой и таскать с астероидов всё, что под ногу подвернётся, интересного, само собой прибавилось.

Вот, хоть газ этот... Нашли на ничем не примечательном астероиде R-15 камни, химический анализ которых к Земле имел отношения столько же, сколько и сам астероид. Начали, разумеется, ковыряться – давить под прессом, колоть всем, чем можно, замораживать и подогревать. И тут – бац! Результат! Оказалось, при нагревании камешки эти активно дымили неким сиреневым газом, которому ни защитные костюмы испытателей, ни стены испытательной камеры не указ! Распространился везде, куда успел достать, а потом

связи распались, и всё! Но даже за то короткое время, пока те, кто вдохнул космического газа, метались в панике, нашёлся один с железными нервами, кто прислушался к собственным ощущениям и осознал вдруг, что слышит не вопли коллег, а их смятенные мысли!

Чуть позже, когда срочно вызванная медицинская бригада подтвердила – все в норме, испытания продолжили. Точнее, начали снова, уже в спокойной обстановке, более-менее представляя, что, в конце концов, хотят обнаружить, и оказалось точно – работает газ! Чуть вдохнёшь, сразу делаешься телепатом. Не таким, конечно, как Марк с его могучей родословной, но раньше и этой малости никто не мог. Или мог кое-кто, но в меньшей степени и не так. Одним словом, достаточно было недолго подержать камешек над подогревающей поверхностью, а потом втянуть ноздрями сиреневенького газа, и в голове, где до сих пор анализировались только зрительные, вкусовые, тактильные – ну и какие там ещё? – короче, все прочие ощущения, начинала формироваться совершенно особая зона восприятия.

Для большего понимания её можно сравнить со стеклянным шаром, внутри которого всплывают озвученные призраки. Если наряду рядом немного, то всплывают они один за другим, в зависимости от того, кто на каком расстоянии находится. Если же случается такое в толпе, тогда беда! Слабому и уму тронуться недолго, потому что такой галдёж в голове поднимается, что, во-первых, не разобрать ничего, а во-

вторых, звуков из реального мира уже не слышно, а это создаёт массу неудобств.

Одно хорошо – продолжается всё недолго.

Марку Клён объяснял как-то, что краткость воздействия обусловлена чужеродным химическим составом камней, дескать, при нагревании кое-какие связи с нашими, земными, элементами завязываются и дают такой вот интересный эффект, но связи эти непрочные, что очень хорошо было слышно во время сеансов телепатии – сначала звук в голове идёт по нарастающей, немного держится в своём максимальном звучании и по плавной затухающей дуге сходит на нет. Что-то похожее на эффект Доплера, только в этом случае никто ни к кому не приближается, никто ни от кого не удаляется, просто крутит кто-то в голове ручку громкости, сначала плавно и медленно в одну сторону, затем, в другую.

Честно сказать, открытие это с самого начала показалось Марку совершенно бесполезным, однако, благодаря ему открылись чудеса с зазеркальем, и это уже был не пустой аттракцион с шумихой в голове!

Как там у них это всё обнаружилось, не суть важно... Скорей всего, сидела какая-нибудь лабораторная красотка, изнывающая от любовного томления, грела втихаря камешек, который спёрла со склада, благо навезли их туда целую кучу, нюхнула газку, чтобы разведать, о ней ли думает предмет воздыханий, и, если о ней, то что? А сама, тем временем, для отвода глаз, в зеркальце любовалась...

Или не так всё было, и кто-то целенаправленно к зеркалу пошёл... Но Марку почему-то казалось, что никто кроме женщины, нанюхавшись телепатического газа в зеркало смотреть не пошёл бы. Видел он этих ботаников из ЦЭН-Тра – они и в нормальном состоянии в зеркало не смотрят, не то, что под газом. К тому же, сделай подобное открытие мужчина, о нём бы давно уже все говорили точно так же, как говорят до сих пор о докторе Салге, который оповестил мир об открытии параллельного мира, и сразу стал у всех на слуху!

А потом понеслось по нарастающей!

Поначалу результаты экспериментов были «слабо слышимыми», то есть, улавливались, как радиоволны с помехами. Испытуемые даже не всегда понимали, что именно они слышат, и открытия могло бы не случиться вовсе, не окажись один из «подопытных» достаточно внимательным, чтобы в хаосе звуков, (которые он, к слову сказать, принял сначала за «мысли» окружающих его предметов), выделить собственный голос и сообразить, что это ни что иное, как его же мысли, только возвращённые с небольшим опозданием! Опоздание, кстати, обуславливалось не только расстоянием от объекта до зеркала, но и теми материалами, из которых зеркало было изготовлено. Лучшим проводником оказалось серебро, поэтому все дальнейшие опыты по усовершенствованию телепатических сеансов с зазеркальем проводились только с объектами, чья амальгама не имела ника-

ких посторонних примесей. Привлечены были даже старинные зеркала, сохранённые в музеях. И, как раз после опытов, проведённых с ними, выяснилась интересная вещь – чем старее было зеркало, тем объёмнее оказывалось пространство за ним.

Объясняя этот факт на научной конференции, собранной сразу же по получении первых результатов с хорошей «слышимостью», профессор Салг, как большой специалист по телепатии, высказал предположение, что пространство «зазеркалья» является неким «параллельным интеллектом», развитие которого точно так же зависит от количества накопленных знаний, как и наше собственное. «Неважно, кто именно отражался в зеркале на протяжении всех лет его существования, – говорил он. – Определяющим уровень „параллельного интеллекта“ нужно считать само Время, фиксируемое по ту сторону отражения. Сюда входит не только то окружение, которое оставалось отражённым, как в присутствии, так и в отсутствии человека смотрящего, но и те чувства, мысли, энергетика, которые считывались зазеркальем в моменты, когда человек подходил на себя посмотреть. Условно говоря, пространство зазеркалья это некий мешок, подвешенный „по ту сторону“. У нового зеркала он мал, почти пуст и тесен, чего смотрящий в зеркало, естественно не ощущает. Но с годами „мешок“ наполняется впечатлениями. Формируется интеллект, который начинает своё существование параллельно тому, что происходит по эту сторо-

ну зеркала, и можно предположить, что постепенно „параллельный интеллект“ начинает оказывать влияние, или пытается делать это, показывая смотрящему реальность, вроде бы похожую на то, что человек видит вокруг себя, но с иным толкованием. Так, например, испытуемый, который смотрел в самое древнее зеркало из тех, что удалось найти, уверял, будто видит солнечный отсвет на стене за спиной. На самом же деле ничего подобного он видеть не мог, поскольку день для испытаний был выбран пасмурный, но есть вероятность, что зеркало большую часть своего существования провисело в доме какой-то южной, очень солнечной страны и внушило испытуемому ту реальность, которая показала „параллельному интеллекту“ наиболее комфортной, или привычной, или внушающей ощущения покоя и радости. Эти выводы мы сделали на основании того, что испытуемый посчитал своё отражение именно в этом зеркале самым привлекательным и охотнее других идущим на телепатический контакт. Но в этой области ещё далеко не всё ясно, и наше научное сообщество, можно сказать, открыло двери в целую анфиладу неисследованных отраслей психологии, нейробиологии и, что греха таить, мировосприятия в целом! Работы непочатый край, коллеги!»

Речь эта была сопровождена овациями и взрывом энтузиазма. Но прошло не так уж много времени, и вдруг всё утихло. Учёные мужи с горечью признали, что не продвинулись ни на йоту в своих исследованиях, а практически-

го применения тому, чтобы, подходя к зеркалу улавливать собственные же мысли, не нашлось никакого. Двери в так красиво сформулированную профессором Слагом анфиладу неисследованных отраслей с грохотом закрылись, работы в этом направлении свернули, и усовершенствования газа R-15 ограничились увеличением того времени, которое позволяло читать чужие мысли и телепартировать свои. Сам же газ, тысячи раз проверенный и перепроверенный допустили до массового использования, объявив безвредным, и превратили в обычную развлекаловку.

IV

Марк осмотрелся по сторонам, выбрал безобидный симулятор обычной прогулки и запустил программу.

Уж что, что, а развлекать на Земле научились. Разработчики «Сфинкса» даже простой тренажёр для ходьбы ухитрились оснастить так, чтобы скучно одинокому лётчику не было. Смонтировали видеоряд из нескольких трасс с деревеньками, полями и крупными городами, куда навтыкали указатели о пройденных километрах. Даже имитацию разных грунтов создали и добавили отключаемую при желании функцию звукового и обонятельного сопровождения. Жаль только, что одно от другого не отделили, и отключить можно было всё разом, а Марк-то, как раз против звуков ничего не имел, но запахи... С ними явно перестарались – весенние сады, трава, запахи поля, всё напоминало освежители для уборных с ядовито-химическими отдушками и были отключены сразу. Во всём остальном никаких претензий, ходи, смотри, наслаждайся.

Со временем, конечно, и это наскучило, но позже всего остального. К тому же тренажёр вещь необходимая, а с голыми стенами выхаживать тут было бы ещё скучнее.

Марк как раз сделал переход от мягкой просёлочной дорожки, с которой он начал свою «спортивную» ходьбу, к плотному покрытию трассы, когда поступил сигнал из «пи-

лотской». Ага, значит, внешние камеры зафиксировали что-то интересное за бортом! Что ж, тогда с тренажёрами на сегодня завязываем! Он честно выполнил обещание и честно прошёл... ну, неважно, сколько он там прошёл! Главное, сила воли!

Ещё раз гордо миновал «дорожку». Чёртов «бонус» больше не цеплял, и слава богу! Хорошо, что не сломал всю систему, как собирался вначале. Ещё пригодится. И Марк уже определил, когда... Но не сейчас, не сейчас!

Он быстро проскочил «душевую», где прополоскался и высушился вместе с костюмом, после чего, с чувством полного удовлетворения пошёл смотреть «космическое кино»!

Это развлечение Марк себе не выдумывал, оно само собой сложилось в процессе ежедневной, якобы рабочей, рутины. Хотя, какая к чёрту работа?! Всех забот только и было, что смотри в мониторы, общайся с бодрячками из ЦУПа, да снимай показатели с системных датчиков. Этот последний процесс всегда напоминал Марку сдачу анализов – столько-то лейкоцитов, эритроцитов и, чего там ещё? Только здесь он смотрел на показатели топливных и вентиляционных систем, в норме ли нагрузки от тяги двигателей и аэродинамических сил, не случилось ли непредвиденных деформаций в двигательной установке САС?

В первые дни полёта ходил по отсекам, как прилежный ученик, с табличками, а теперь и без них соображал «нор-

ма», или нет. Раз в три месяца устраивал сам себе экзамен, сверялся всё-таки с табличками, тренировал мозги. Один раз даже тренировочную пробежку устроил – смотрел, за сколько минут добежит до САС, но потом решил, что реальная опасность сама подскажет, что, как и когда делать. Хороший, кстати, метод для естественного отбора – чистых разумом от нечистых, зрелые зёрна от трухлявой, как говорится, шелухи...

Так что, не фиг паниковать раньше времени, лучше расслабиться и получать удовольствие, тем более, что реальный космос оказался куда интересней глухого чёрного колодца, который до сих пор показывали в фильмах!

Когда Марк увидел первую в своей жизни туманность он, в буквальном смысле, заболел звёздной болезнью! Спасибо разработчикам – на телескопы на внешних модулях «Сфинкса» тоже не поскупились, поэтому, пролетая Солнечную систему, Марк, как безумный маньяк, только за тем и следил, как бы чего не пропустить, и всегда, всегда бывал в самой превосходной степени счастлив, когда, приблизив изображение, рассматривал, самому себе не веря, то, что раньше мог видеть только на плакатах ЦЭНТРа.

Вместе с тем, удаляясь от Земли всё дальше, Марк начал жадно проецировать память о ней на всё увиденное и сделал, как ему казалось, удивительное открытие о том, что жизнь на Земле представляет собой, если можно так выразиться, дайджест Вселенной!

Он не смог бы этого связно объяснить, но чувствовал какую-то общность в ассоциациях, когда восторг от созерцания чего-то, вроде бы привычного, вдруг перестаёт быть просто восторгом, перетекает в изумление, а потом заставляет задавать самому себе вопросы и, в конце концов, становится тем самым, необъяснимым ощущением, что стоишь на самом пороге тайны.

Нет, ну правда, кто, к примеру, так ювелирно, так живописно и изобретательно раскрасил на Земле крылья бабочек, оперение птиц, чешую рыб? Какой гравёр выдумывает узоры на каждом пальце каждого отдельного человека, размечает точки на носах собак? Какой изобретатель оснащает кожу крокодилов датчиками о химическом составе воды, а мозг птиц и летучих мышей навигационными системами?

А теперь, что говорится, смотри в космос! Даже если держать в голове научное обоснование существования всех этих туманностей, дескать всё дело в химическом составе и степенях нагрева, охлаждения, силе действия гравитации на те, или иные частицы, в результате чего они распределяются в пространстве так, а не иначе, всё равно останется непонятным, почему, глядя на одну туманность, первым делом говоришь себе: «На бабочку похоже», а при виде другой какой-нибудь далёкой и оттого воспринимаемой по форме галактики вспоминается стая ярких рыб под водой, или голова лошади?

Конечно, с одной стороны, других ассоциаций нет и быть

не может хотя бы потому, что сравниваешь всё новое с тем, что видел и узнал раньше, но это так скучно и так ограничивает. Почему бы не представить, что где-то там, в космосе, в этой великой Вселенной, некий разум, некоего гигантского гения креативит по всем мыслимым и немыслимым отраслям, от живописи до самой высшей математики, но, поскольку он един и замысел свой видит от частного к целому и обратно, то и рука мастера чувствуется и проявляется во всем, как раз вот такими ассоциативными узнаваниями!

Куда, в конце концов, летят астероиды, кометы? Почему планетарные и звёздные системы группируются так, а не иначе? Во имя чего тянется и расширяется вся эта тёмная материя, и что для неё чёрные дыры, и «норы»? Узлы? Прорехи? Необходимость?

Да, да, да! Марка обучили всем этим пространственно-временным континуумам, теориям гравитации, относительности, дали представление о пространстве Минковского и преобразованиях Лоренца, и он многое уяснил..., и, как считал, многое уяснил во вред себе, поскольку даже самые истинные теории создают границы для всяких иных мыслей. Железобетонные тюремные стены с решётками, сквозь которые можно робко выглядывать, строить предположения, что, может быть снаружи что-то изменилось, или вообще устроено не совсем так, но высываться – ни-ни...! И, чем более канонизирована теория, тем меньше желающих получить по носу за побег из мира, где она правит, и тем наивнее

выглядят попытки оторваться от этого «заземления» с помощью, пусть и немного сказочных версий. Куда уж проще сделать умное лицо, изрыгнуть поток усвоенных и, может быть даже в чём-то понятных, ещё более умных теорий... Хотя, нет, Марк не относил себя к мудрецам, способным толково объяснить космос формулами. До сих пор он просто ощущал себя сообщающимся сосудом..., ну, типа, что вверху, то и внизу..., космос снаружи – космос внутри... Здесь же, на «Сфинксе» никаких границ не существовало. С одной стороны, Марк был этому рад, но с другой... С другой, поделиться мыслями можно было только с аппаратурой, или с голограммой Фредди Меркьюри, чего Марк себе пока не позволял – ещё придёт время! Он бы с радостью погрузился в какое-нибудь своё отражение и заглянул бы самому себе в глаза, чтобы убедиться – да, всё правда! – но руководители проекта исключили абсолютно всё, что могло бы увести Марка «не туда», и на «Сфинксе» не найти было ни одной мало-мальски хромированной детали, где он мог бы отразиться, хоть полно, хоть искажённо, не говоря уже об обычных зеркалах!

А в глаза себе посмотреть хотелось и по другой причине, ибо, что есть радужка нашего глазного яблока, как не галактика с чёрной дырой посередине, которая ежесекундно втягивает в себя и уплотняет до околотовзрывного сжатия всё обозримое пространство со всей его трёхмерностью, и всё прожитое время с прошлым и будущим горизонтами событий!

Воспоминания о том, что в действительности было, так же реальны, или нереальны, как и мечты о будущем, в которых, на основе уже имеющихся представлений, конструируются варианты того, что обязательно произойдёт. Точно так же, как приукрашивая нечто не самое благовидное в прошлом, мы воображаем себе что-то фантастически-нереальное в будущем, чего никогда не может произойти в нашей, ныне существующей реальности, но что обязательно происходит, или уже произошло за радужкой нашего глаза!

И, казалось бы, куда уж круче, но, вот ведь беда, возможно из-за всей этой суеты с ныне существующей реальностью, из-за её чудовищной уплотнённости в чёрной дыре глаз, мы лишены возможности видеть остальное – то, что Марк для себя называл «зазеркальем»! Поэтому большинство, за редким, редким исключением, может видеть лишь свет от самой главной истины об устройстве всего нашего мира, и лишь на одной плоской грани чего-то гигантского, что ювелирно огранено и, наверняка, до сих пор продолжает свою огранку, развлекаясь созданием новых и новых граней-миров! Да и не свет, скорей всего, мы видим, а только отблеск...

Спора нет, многомерность давно признали в квантовой механике, но, как быть с тем, что, за неполные восемь лет полёта, Марк начал ощущать её здесь, во всём этом неохватном космическом пространстве?! И это не было игрой воображения, а скорее, волнующим предчувствием верной догадки, с которым он когда-то впервые подошёл к зеркалу, желая

погрузиться в зазеркалье. Он всем своим существом пребывал в этой многомерности, почти физически ощущая, как замедляется ход времени, как, словно в миксере, перемешиваются воспоминания о прожитом на Земле, и уже не разобравшись, что и когда происходило, потому что не было больше ни границ, ни решёток, за которыми паровозом тянулись дни и года, строго, как вагоны, зацепленные один за другой, как не было и привычной, кем-то, когда-то определённой четырёхмерности! И, может быть, те робкие вкрапления из почти нереального будущего, где он благополучно пролетел сквозь «кротовую нору», уже не являлись одними только мечтами, а ближним эхом уже свершившегося?...

Что если ТАМ он сможет обо всём этом расспросить?

Нет, не так...

Что если ТАМ, перед Зеркалом, он сможет получить ответ?

V

Марк глянул на монитор, где, приближенная внешними телескопами, висела довольно большая туманность. Сверился с картой полёта, убедился, что всё по плану, и она там где должна быть и, когда должна, значит, с курса не сбился, из временного графика не вышел, и лететь ему дальше молодец-молодцом, о чём непременно скажет завтра какой-нибудь бодрячок из ЦУПа, (чтоб им всем там быть здоровыми) ... Подтянул кресло, развалился... Теперь только созерцание и ничего больше!

Изображение с телескопов выводилось на мониторы в самом высоком разрешении, с такой же высокой детализацией, подсветкой и расцветкой, как на фотографиях, которые заворожили Марка ещё в детстве. Он любил их рассматривать, ещё не зная о своём умении «проваливаться», но умению, видимо, знаний о нём не требовалось и, помимо Марковой воли, оно проявляло себя даже не будучи опознанным. Из-за этого маленький Марк почувствовал страшнейшее разочарование, когда впервые, при помощи домашнего телескопа, рассмотрел на летнем звёздном небе Сатурн. Золотистая планетка показалась примитивным рисунком из детской книжки, где всё рисуют проще, чтобы было понятней, и не имела ничего общего с величавым гигантом, крутившим «на поясе» три золотых кольца, который словно выплы-

вал из верхнего правого угла большого, как рекламный щит, объёмного плаката на стене в детской. Вот там действительно всё было понятно – там была ТАЙНА, которую хотелось постичь, а не разжёванная, условно-простая данность!

Чуть позже, с освоенным «погружением» в любую картинку, Марк научился отделять «чистые» ощущения от «нечистых» и, оказавшись впервые перед объектом, знакомым до этого только в изображении, некоторое время смотрел внутрь себя и старательно вычищал мозги. Он словно сдвигал в сторону всё то, искусственное по сути, что получил при «погружении», и набирал новое, подлинное, что потом рассеивалось в нём по всем возможным вариантам развития.

Это было трудно объяснить, даже когда для Марка перестала быть тайной вся сложность зазеркалья, но он особенно и не пытался. Просто принял, как данность, что любое, понравившееся ему место – целый город там, к примеру, или только улицу, или часть ландшафта – можно было переместить в одно из собственных «зазеркальных» измерений, стать там своим, вволю надышаться того, что туристам-однодневкам обычно не достаётся, и при этом ничего не потерять, не упустить из обычной жизни...

Он как-то попытался рассказать об этом Клёну, но привычными словами и понятиями всё это было не самым удачным образом объяснено и не похоже как-то на то, что Марк понимал в действительности. Но, если объяснять так, как рисуют в детских книжках, то выходило где-то рядом – при-

митивно, чтобы понятно. Словно Марк сам из себя представлял одну многочисленную семью, рассеянную по всему миру, каждый представитель которой знал, что существуют множественные другие, с кем он давно уже не общался лично, но кого, нет-нет, да и вспомнит, и пошлёт мысленный привет.

Или просто пошлёт подальше, чтобы мозги от зауми в трубочку не свернулись!

Марк почувствовал вдруг, что устал. Смертельно захотелось размякнуть в этом кресле и вспомнить о чём-то простом. Не примитивном, но простом... Не зря же он потратил на земле не одни сутки пока отбирал себе воспоминания, которые требовались в этом полёте! А что может быть более понятным и простым, чем мысли о семье?! Те первые, детские, когда «свои» всегда хорошие, и все вокруг именно что свои, а «плохие», если и живут где-то, то совсем не рядом.

А в конце концов, почему бы и нет?!

Семь лет он летел в этом пустом бассейне, с наглухо запертыми мыслями о доме! То есть, о Земле в целом – пожалуйста, о человечестве, как о явлении – сколько угодно, но только не конкретно, ни о ком, только так, о чём говорят: «ничего личного»! Легко это, конечно, не далось, и проклятый «бонус» в тренажёрке случился, как удар под дых, но Марк себя заставил. Отобранные воспоминания из числа тех, которые помогли оторваться и улететь, свою работу сде-

лали – он удалялся от Земли, не чувствуя за спиной той тарзанки, которая в самый последний миг выдернет из него тоскующую душу и не позволит перестроиться на новые ощущения. Но долететь ему требовалось не закаменевшей в бесчувствии особью, а полноценным, или точнее, полночувствующим, так что, видимо, пора... Всё отобранное личное должно быть осмыслено по-новому, объективно и безжалостно!! Без самобичевания, конечно, но и без лазеек для самолюбия! Нравится, не нравится – вспоминай, как было...

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Семья Лаги́ров всё делала аккуратно, в полном соответствии с законами наследственной селекции. Вследствие чего, как говорится, через колено, производила на свет провидцев, иллюзионистов и телепатов различной мощности, которые чаще всего пробавлялись публичными выступлениями и не пугали общественность слишком откровенным чтением мыслей, или мрачными предсказаниями грядущих катастроф, войн и личных трагедий.

Прадед Марка оказался первым, кто подарил себя науке. И, хотя наука, столкнувшись с необъяснимым феноменом прадедовых возможностей, предпочла стыдливо прикрыть глаза и оттолкнуть его к поближе к черте, за которой начиналось шарлатанство, Судьба пренебрежения канонами не простила – дала династии оплеуху, начисто лишив уже отца Марка положенных семейных способностей. Мысли он не читал, грядущее не просматривал, а то, что проявил себя, как обычный талантливый психотерапевт суровые предки восприняли с настороженным презрением и убеждённой в «иссякнувшем фамильном роднике».

От Марка при таком раскладе не ждали вообще ничего, и он отсутствие ожиданий оправдывал вполне – не сидел, задумавшись, с какой-нибудь, не по возрасту тяжёлой книгой, не замирал посреди уличной беготни, как будто его оклик-

нули невесть откуда и даже во время телевизионных викторин не предугадывал правильные ответы, что по мнению его долгожителя-прадеда было самой, что ни на есть, детской забавой, и, если Марк даже этого не мог, то, значит, вообще ни на что не годился.

И только бабушка по отцовской линии, рано оставшаяся вдовой, из-за чего большую часть жизни прожила уединённо и как-то самодостаточно, пообщавшись с Марком, твёрдо заявила, что «мальчик этот всем ещё покажет!»

Что именно Марк должен показать, она не уточняла, но с тех пор стала всё чаще и чаще приглашать внука к себе, в уютный деревенский домик, воспоминание о котором открыло список тех, избранных, что стали единственным ценным багажом в этом, более чем странном Марковом полёте.

Он прикрыл глаза, потянул носом стерильный воздух и замер, ожидая трансформаций реальности, которые неизбежно наступали даже в тех случаях, когда он погружался в собственное сознание.

БАБУШКА

Бабушку эту Марк не любил.

Сам не знал почему, но поездки к ней всегда были в тягость, заранее навевали скуку, и, если бы не впитанное с первых дней жизни убеждение, что семья – это СЕМЬЯ, и раз пригласили, надо обязательно ехать, визиты к бабушке по отцовской линии сопровождались бы стопроцентными скандалами, которые возникают всегда, когда ребёнок кричит «Не хочу!», а родители отвечают весомым «надо». Марк даже не пытался разобраться, почему так не любит эту свою бабушку, лишь высокомерно позволял ей крутиться вокруг себя, наполнять это кружение заботой, вкусными её проявлениями и полной, абсолютной вседозволенностью ребёнка, который отлично знает, что взрослый перед ним заискивает.

Это была безгранично глупая и жестокая нелюбовь. Выражалась она в предельно любезном обращении и в холодной отчуждённости, которые Марк напускал на себя, стоило седой голове со слишком широким пробором показаться в дверном проёме старинного пригородного дома. Бабушка до конца жизни носила чёрное, из-за чего Марку всегда казалось, что, встречая их, она выпускала свою радостно кивающую голову в коридор, как воздушный шарик, а сама продолжала сидеть в кресле с книжкой в руках, как, кажется, и сидела всегда, и непонятно было, кто готовил на кухне все

эти вкусные вкусности, которые потреблялись неблагодарным внуком с отменным удовольствием, как бы ни убеждал он себя, что проводит дни в скуке.

И всё-таки, почему? Почему он бабушку не любил, при том, что она его обожала?

Вопрос этот забрезжил в тот момент, когда стало стыдно, и случилось это, как водится, когда поправить ничего уже было нельзя... А стыдно становилось всё сильнее и сильнее, особенно когда пришло понимание, что бабушка не была просто глуповатой умильной старухой, мечтающей накормить внука вкусеньким, а с мудрой расчётливостью позволяла ему себя не любить и ждала, что когда-нибудь это изменится, и он повзрослеет, наконец, настолько, что поймёт...

Увы... За несколько дней до смерти бабушка, видимо, что-то такое почувствовала и попросила Марка навестить её, так сказать, «вне плана». Она держала дурилу-внука за руку, улыбалась так же, как улыбалась всегда, но прежде чем выпустить эту его руку вдруг сжала её, стараясь, чтобы получилось сильно, чем только подчеркнула свою большую ослабленность, и прошептала: «Вытаскивай себя из прошлого, Марк, не застревай в тех мирах, где ты молодой и глупый...». Потом закашлялась и ничего больше не прибавила к этой странной фразе, потому что увидела, что слушают её через силу. А Марк так и ушёл, посчитав, что бабушка ослабела и умом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.